

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 5

СКОРПИОН ПОД МАЛАХИТОМ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
Скорпион под малахитом

«Автор»

2026

Карадениз М.

Скорпион под малахитом / М. Карадениз — «Автор», 2026

Свердловск, 1973 год. В закрытом складе геологического управления находят мёртвым сотрудника — укол инсулина, хотя у погибшего не было диабета. Рядом — малахитовый образец со странным знаком. На место прибывает отставной капитан НКВД Алексей Ухтомский. Его пригласил сам убитый, но опоздал на несколько дней. Следы ведут в Эрмитаж, где в 1934 году бесследно исчезли уникальные уральские самоцветы. Их подменили искусными муляжами, а подлинники вывезли через Кёнигсберг в секретные бункеры Финляндии. Ухтомский находит свидетелей, но они умирают один за другим. Кто-то замечает следы, уничтожая всех, кто помнит операцию «Малахит». Среди заказчиков — те, кто до сих пор у власти. Сможет ли Ухтомский опередить убийц и вернуть камни, которые считались потерянными почти сто лет? Или правда о «Скорпионе под малахитом» навсегда останется погребённой в бетонных бункерах Карелии?

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. «Малахитовая комната»	5
ЧАСТЬ I. «УРАЛЬСКИЕ КЛАДОВЫЕ»	9
Глава 1. «Труп в запаснике»	9
Глава 2. «Подпись — скорпион»	13
Глава 3. «1934. Инвентаризация»	16
Глава 4. «Геолог, который выжил»	19
Глава 5. «Операция „Мала»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мурат Карадениз

Скорпион под малахитом

ПРОЛОГ. «Малахитовая комната»

Время: 15 марта 1934 года, 23:00

Место: Ленинград, Эрмитаж, кладовые Уральской экспедиции (подвал Зимнего дворца)
1934 | Сотрудник ОГПУ (агент под прикрытием)

Подвал Зимнего дворца пах так, как может пахнуть только место, где тысячу лет никто не убирал по-настоящему. Не сыростью — плесенью, известкой, старой древесиной и ещё чем-то металлическим, тяжёлым, что тянуло из-за железных дверей, за которыми лежали сокровища, не принадлежавшие никому. И ничьи. После революции, после национализации, после того как Гохран пересчитал и перепрятал всё, что осталось от Романовых, здесь хранились камни. Малахит, яшма, родонит, изумруды, александриты — всё, что за сто лет намыли, нарубили, награбили на Урале и в Сибири.

Сейчас, в четверть двенадцатого ночи, в подвале горели три керосиновые лампы. Света хватало только чтобы различать лица и не споткнуться о ящики. Электричество в Эрмитаже давали с перебоями — экономили, страна строила социализм, не до лампочек в музейных запасниках.

Молодой человек в форме сотрудника ОГПУ (без знаков различия, как и положено при таких операциях) стоял у стены, сложив руки на груди, и смотрел. Его звали — для этой операции — просто «Сергей». Настоящее имя не имело значения. Сегодня он был не личностью, а функцией. Глазами и руками тех, кто отдавал приказы.

В центре подвала, у длинного деревянного стола, работали двое. Один — пожилой, в очках с треснувшей дужкой, с дрожащими руками и испуганными глазами — хранитель Эрмитажа, которого привезли сюда час назад, объяснив, что это «плановая ревизия». Звали его Борис Алексеевич Карелин, он заведовал отделом минералогии двадцать лет. Второй — молодой крепкий парень в чёрной куртке, без очков, но с цепкими, ничего не выражающими глазами — его помощник, сотрудник той же конторы, что и «Сергей», но рангом ниже.

Перед ними на столе, на выцветшем бархате, лежала плита. Малахитовая. Размером с большой кухонный поднос, толщиной в три сантиметра, с отполированной поверхностью, где природа и время нарисовали узор, которого не смог бы повторить ни один художник. Зелёные волны, тёмные прожилки, замысловатые завитки — и в центре, если прищуриться, можно было разглядеть очертания скорпиона. Точно не вырезано рукой человека — природный каприз, который сделал эту плиту единственной в мире.

«Скорпион».

Карелин смотрел на плиту так, будто провожал ребёнка на войну. Глаза его были влажными, губы дрожали.

— Вы не можете, — сказал он в который раз. — Это же не просто камень. Это история. Его нашли в 1843 году на Гумешевском руднике, он числится во всех каталогах академии наук, о нём писал сам Кокшаров...

— Борис Алексеевич, — перебил его «Сергей», не меняя позы, — мы не забираем. Мы проводим ревизию. Всё, что вы подпишете, останется в фондах.

— А что я подписываю?

«Сергей» кивнул помощнику. Тот достал из портфеля лист бумаги — плотный, с водяными знаками, отпечатанный на машинке — и положил перед Карелиным.

«Акт № 47/М от 15 марта 1934 года. Комиссия в составе: (фамилии не указаны, только должности — представитель Гохрана, представитель ОГПУ, хранитель отдела) произвела осмотр фондов уральских минералов Государственного Эрмитажа. В ходе осмотра установлено: образец № 187 (малахитовая плита «Скорпион») имеет признаки необратимой порчи (трещины, изменение цвета, деструкция связующего вещества). Образец признан непригодным для хранения и экспонирования. Списать по акту № 47/М. Карелин Б.А. (подпись).»

Карелин прочитал, побледнел.

— Это ложь, — сказал он. — Камень в идеальном состоянии. Я проверял его три дня назад.

— Вы проверяли? — «Сергей» наконец отлепился от стены, подошёл ближе. — Значит, вы не заметили трещин. Это бывает. Вы ведь не эксперт по минералогии, вы — хранитель. Хранители смотрят на сохранность, а не на внутреннюю структуру. Мы пригласили эксперта из Москвы. Он подтвердит, что камень испорчен.

— Какого эксперта?

— Неважно.

Карелин сжал бумагу.

— Я не подпишу.

— Подпишите, — спокойно сказал «Сергей». — Потому что если вы не подпишете, завтра вашу дочь исключат из университета. А послезавтра вашего зятя арестуют за хищение на заводе. У нас есть документы.

— Это шантаж.

— Это забота о кадрах. — «Сергей» повернулся к помощнику. — Дайте ему ручку.

Карелин взял ручку. Пальцы дрожали так сильно, что чернила легли криво, но подпись поставил.

«Сергей» забрал акт, сунул в портфель.

— Теперь — списываем.

Помощник подошёл к ящику, стоявшему в углу, открыл крышку. Внутри, на слое ваты, лежала ещё одна малахитовая плита. На вид — точная копия «Скорпиона». Тот же размер, тот же узор, те же прожилки. Но «Сергей» знал — это муляж. Искусственный малахит, изготовленный в лаборатории в Москве по новой технологии. Специалист с лупой отличит, но в закрытой витрине, под стеклом, на расстоянии вытянутой руки никто не заметит подмены.

Помощник взял муляж, положил на место подлинника. Подлинник — в ящик, на вату, закрыл крышку.

— Грузите, — сказал «Сергей».

Ящик был не один. В дальнем конце подвала, за стеллажами с керном, стояли ещё пять — поменьше, с маркировкой «Урал. 1934. Образцы». Подлинники меняли повсюду. Изумруды, александриты, редкие кристаллы-двойники, которых не было даже в Британском музее. Всё, что представляло ценность, упаковывали в ящики, а на их место ставили муляжи.

— Зачем? — спросил Карелин, когда помощник ушёл за следующим ящиком. — Зачем вам это? У нас же нет дефицита камней. Их много. Вы можете запросить официально, через Гохран, через правительство...

— Не можем, — ответил «Сергей». — Потому что то, что мы вывозим, не должно числиться в документах. По документам — эти камни испорчены и уничтожены. На самом деле они уедут в Москву, а оттуда — дальше.

— Куда?

— В Кёнигсберг. Потом в Финляндию. Потом в Швецию.

Карелин закрыл лицо руками.

— Вы продаёте национальное достояние.

— Мы его спасаем. — «Сергей» говорил спокойно, будто объяснял ребёнку азбуку. — В стране голод, разруха, через пять лет, может быть, новая война. Эти камни — валюта. На них можно купить станки, хлеб, технологии. Лежать в подвале они не должны.

— А куда пойдут деньги?

— Туда, куда нужно.

Карелин поднял голову. Глаза его были мокрыми, но в них появилось что-то новое — злость, смешанная с отчаянием.

— Вы — бандиты, — сказал он. — Бандиты в форме.

«Сергей» усмехнулся.

— Мы — государство, Борис Алексеевич. Какая разница, в какой форме?

Он повернулся к лестнице, где уже стоял помощник с третьим ящиком, и вдруг замер. В дверях, ведущих в соседний запасник, кто-то стоял.

Тень.

Силуэт человека — невысокого, худого, в негнушейся от холода шинели. Лица не разглядеть — кепка надвинута на глаза, воротник поднят. Но «Сергей» узнал его по тому, как он стоял — не прятался, не боялся, ждал.

— Кто там? — спросил «Сергей», вытаскивая наган.

Тень шагнула в свет.

Молодой парень, лет двадцати пяти, с живыми, испуганными глазами. В руке — блокнот и карандаш. На плече — геологическая сумка, потёртая, с пятнами.

— Я не... я просто проверял, — заикаясь, сказал он. — Меня послали за керном. Я услышал голоса...

— Ты кто? — «Сергей» не опустил наган.

— Геолог. Нестеров. Василий Нестеров. Я работаю в экспедиции, мы составляем опись... Я не хотел...

— Ты слышал разговор.

— Нет! Я ничего...

Он врал. «Сергей» видел по глазам. Слышал. И понял, что происходит.

— Выходи, — сказал «Сергей» спокойно. — Руки вверх.

Нестеров вышел. Руки поднял, но блокнот не выронил — зажал под мышкой.

— Что там у тебя в блокноте? — спросил «Сергей».

— Записи... рабочие...

— Дайте сюда, — сказал «Сергей» помощнику.

Тот вырвал блокнот, пролистал. На одной из страниц — торопливые карандашные строчки. Не керн, не номера образцов. Имена. Фамилии. «Глухов», «Кёнигсберг», «ящики», «подмена».

— Он всё записал, — сказал помощник, протягивая блокнот «Сергею».

«Сергей» прочитал. Потом поднял глаза на Нестерова.

— Ты понимаешь, что ты наделал?

— Я ничего... — Нестеров побелел как полотно. — Я не знал... Я думал, это просто учёт...

— Это государственная тайна. А ты — свидетель.

«Сергей» повернулся к Карелину.

— Борис Алексеевич, вы не видели этого человека. Поняли?

Карелин кивнул. Глаза его были пустыми.

— Уходите, — сказал «Сергей». — И забудьте, что здесь было.

Карелин, шатаясь, пошёл к лестнице, исчез в темноте.

Остались трое. «Сергей», помощник, Нестеров.

— Что с ним делать? — спросил помощник.

«Сергей» смотрел на блокнот. На имена, которые не должны были попасть в чужие руки. На строчку, где было написано «Глухов приказал вывезти камни».

— Ты знаешь, что делать, — сказал он.

Помощник достал пистолет с глушителем. Нестеров рванул к выходу, но споткнулся о ящик, упал.

Выстрел был коротким, сухим, как удар палкой по подушке.

Нестеров дёрнулся, замер.

Помощник наклонился, проверил пульс. Кивнул.

— Чисто.

«Сергей» подошёл к телу, достал из кармана маленький металлический предмет. Скорпион. Отлитый из тёмного металла, с загнутым хвостом и цепкими клешнями. Рядом — выгравированный год: 1934.

— Это что? — спросил помощник.

— Подпись. — «Сергей» положил скорпиона в карман убитого геолога. — Чтобы свои знали. И чтобы чужие боялись.

Он выпрямился, вытер руки о платок.

— Ящики грузите в машину. Через час отправка.

— Куда?

— В Москву. А оттуда — по старому маршруту. Кёнигсберг, Финляндия, Швеция.

— А тело?

— Оставить здесь. Пусть завтра утром находит уборщица. Напишут — сердечный приступ. Или несчастный случай. У нас хорошие эксперты.

Помощник кивнул, подхватил ящик.

«Сергей» остался один. Он смотрел на тело Нестерова, на его молодое, ещё не обросшее щетиной лицо, на открытые, мёртвые глаза. Вспомнил, что такой же скорпион лежит в кармане у молодого Глухова (того самого, который через семь лет будет полковником в Смольном и отдаст приказ утопить грузовик на Ладоге). И у фон Дервиза в Таллине. И у Лундквиста в Стокгольме.

Скорпион был символом. Знаком того, что эти камни — не простые. Что за ними стоит система.

«Сергей» поднял ящик с «Скорпионом» — подлинником, — понёс к выходу.

За спиной остались кладовые, мёртвый геолог, подпись в виде металлической фигурки.

Над входом в подвал, на ржавой табличке, кто-то когда-то выцарапал номер: 734.

Тот самый, который через десять лет появится на ящиках с янтарём. Тот самый, который через сорок лет будет выбит на банковской ячейке в Стокгольме.

«Сергей» этого не знал. Но он знал главное: сегодня ночью они украли прошлое. А вместо него оставили будущее, которое никто не сможет отыскать.

Машина завелась. Ящики погрузили.

Камни уезжали в Кёнигсберг.

А в подвале, на холодном цементном полу, лежал геолог Нестеров. В кармане — металлический скорпион.

На губах — застывшая последняя фраза, которую он не успел произнести:

«Там не только малахит. Там кладовые Урала».

ЧАСТЬ I. «УРАЛЬСКИЕ КЛАДОВЫЕ»

Глава 1. «Труп в запаснике»

Время: 15 апреля 1973 года, 09:00

Место: Свердловск, Уральское геологическое управление, закрытый склад керна
1973 | Алексей Ухтомский (65 лет)

Свердловск встретил Алексея низким серым небом и мелкой ледяной крупкой, которая барабанила по крыше такси, как пулемётная очередь. Он сидел на заднем сиденье «Волги», сжимая в руках портфель с документами, и смотрел на проплывающие за мокрым стеклом улицы. Город был уютным, чужим — не чета Ленинграду. Широкие проспекты, сталинские высотки, заводские трубы на горизонте, из которых валил дым, перемешанный с паром. Пахло здесь по-другому — углём, мазутом, горячим металлом. Запах большого производства, которое никогда не спит.

Он приехал по старой дружбе. Леонид Сергеевич Неволин, геолог, с которым они познакомились ещё в пятидесятые, когда Алексей консультировал Эрмитаж по вопросам геральдики и нумизматики, а Неволин составлял опись уральских минералов для музейной выставки, писал письма, звонил, просил приехать. «У нас тут интересное дело, Алексей Владимирович, — говорил он в трубке неделю назад. — Камни, которые числятся в Эрмитаже, а на самом деле лежат в наших запасниках. Или не лежат. Я не пойму. Приезжайте, посмотрите». Алексей отнекивался: возраст, здоровье, не та уже прыть. Но Неволин настаивал. «Вы же в НКВД служили, — сказал он. — Вы умеете находить то, что другие не видят. Мне нужны ваши глаза».

И вот он здесь. Шестидесят пять лет, седой, с большими коленями и вечно ноющей спиной — осколок под Нарвой давал о себе знать даже спустя тридцать лет. Но глаза ещё видели, а память ещё держала. Алексей надеялся, что этого достаточно.

Управление находилось на окраине, в трёхэтажном здании из красного кирпича, с облупившейся штукатуркой и покосившимися колоннами у входа. Когда-то здесь была контора уральских горных заводчиков, потом — военный склад, потом — геологи. Внутри пахло пылью, старой бумагой и машинным маслом. Охранник в засаленной форме пропустил его после звонка в отдел, показал дорогу.

Закрытый склад керна находился в подвале, в конце длинного коридора, где лампочки под потолком горели вполнакала и мигали, будто вот-вот перегорят. Дверь была железной, с кодовым замком, который кто-то забыл запереть. Алексей толкнул её плечом, вошёл.

Внутри было темно. Он нащупал выключатель, щёлкнул. Под потолком зажглась одинокая лампа без абажура, разгоняя мрак ровно настолько, чтобы увидеть стеллажи с ящиками, стол в углу и тело на полу.

Неволин лежал на спине, раскинув руки, будто хотел обнять потолок. Лицо его было серым, с синими губами и открытыми, уже остекленевшими глазами. Ему было под семьдесят, но сейчас он выглядел на все сто — осунувшийся, бледный, страшный. Слева от тела, на бетонном полу, валялся шприц. Не наш, не советский — импортный, с тонкой иглой и чёрным поршнем. Рядом — пустой флакон из-под инсулина. Но Алексей знал, что у Неволина не было диабета. Спрашивал в прошлую встречу. «Сердце, гипертония, — смеялся тот. — А сахар в норме, хоть и люблю сладкое».

Алексей опустился на корточки, стараясь не наступать в лужицу, которая расплзлась из-под головы. Жидкость была не кровью — какой-то мутной, желтоватой, с резким химическим запахом. Он наклонился, понюхал. Формалин? Или что-то другое, чего он не знал.

Пальцы коснулись шеи — холодная, пульса нет. Мёртв уже часов восемь, не меньше. Но трупное окоченение ещё не наступило полностью — странно для такого срока.

Алексей поднялся, осмотрел тело.

Шприц — профессиональный, не из наших поликлиник. В аптечках таких не держали. Инсулин — импортный, с этикеткой на немецком. Рядом, в кармане пиджака, лежал маленький малахитовый образец. Алексей взял его в руки, поднёс к свету.

Камень был отполирован с одной стороны, с другой — скол естественной породы. Размером с куриное яйцо, тяжёлый, прохладный. Внутри, под гладью, если присмотреться, угадывались знакомые очертания. Не скорпион — меньший брат. Фрагмент того самого узора, который он видел когда-то в Эрмитаже, на знаменитой плите. Той самой, что выставили в витрине после войны, а потом убрали в запасники.

Алексей перевернул образец.

На обратной стороне, на естественном скола, кто-то выцарапал знак. Тонкой иглой, почти ювелирно. Меч. Тот самый, который он видел на шее Кедрина в 1941-м. На фарфоровых тарелках. На янтарных ящиках. На ключе от банковской ячейки в Стокгольме.

Сердце кольнуло — не боль, а холод, который разлился от груди к пальцам. Он думал, что всё это кончилось. Глухов умер в 1957-м. Фон Дервиз — в 1940-м. Лундквист — неизвестно когда, но давно. А знак остался. Меч.

— Леонид, — сказал он тихо, глядя на мёртвого друга. — Что ты нарыл?

Тело не ответило.

Алексей спрятал образец в карман, поднял шприц и флакон — завернул в носовой платок, положил в портфель. Потом обыскал стол Неволлина. В ящиках — бумаги, накладные, старые фотографии. В верхнем, выдвижном, лежала потрёпанная тетрадь в клеёночной обложке — дневник.

Алексей открыл на последней странице.

Почерк Неволлина — крупный, размашистый, торопливый, будто писал на бегу. Дата — три дня назад.

«12 апреля 1973 года. Я понял, куда делись камни. Те самые, из описи 1934 года. Их не уничтожили. Их вывезли. Через Кёнигсберг. Те же люди, что вывозили янтарь. Те же счета. Я нашёл накладную. Глухов, Лундквист, D. & Co. И ещё одно имя. Тот, кто отдавал приказы. Л.С. Если меня убьют — ищите у него. Он в Москве. Он всё ещё у власти».

Алексей перечитал три раза.

Л.С.

Те же инициалы, что и в деле о партитуре. Тот самый, кого он искал тридцать лет. Полковник из Москвы, который давал указания Глухову. Который стоял над всей этой сетью.

Значит, Неволлин нашёл. И его убили.

Но зачем геологу в Свердловске копать в делах тридцатилетней давности? Откуда он узнал про Л.С.? И кто успел раньше?

Вопросов было больше, чем ответов.

В коридоре послышались шаги. Тяжёлые, сапоги. Не один человек — двое. Алексей быстро закрыл тетрадь, сунул в портфель, застегнул.

Дверь открылась.

На пороге стояли двое в штатском — один пожилой, с усами, в кожаной куртке, второй молодой, с бледным лицом и цепкими глазами.

— Вы кто? — спросил пожилой, оглядывая Алексея, его портфель, тело на полу. — Что здесь делаете?

Алексей достал удостоверение — ветеран НКВД, консультант Эрмитажа. Без званий, без полномочий, но дающее право хотя бы на то, чтобы ему отвечали.

— Ухтомский. Алексей Владимирович. Я приехал к Неволину по приглашению. А он... — он кивнул на тело.

— Мы из городской прокуратуры, — сказал пожилой, не глядя на удостоверение. — Вам придётся проехать с нами. Дать показания.

— Я ничего не трогал, — солгал Алексей. Образец, шприц и дневник лежали в портфеле.

— Всё равно. Машина на улице.

Молодой уже осматривал тело, заглядывал под стол, шарил по полкам. Алексей понял — они не из прокуратуры. Или из прокуратуры, но не той. Особый отдел? КГБ? Люди, которые замечают следы.

Он не спорил. Вышел в коридор, поднялся на первый этаж.

У входа стояла чёрная «Волга» с тонированными стёклами. Внутри, на заднем сиденье, сидел третий — в форме, без погон, но с нашивками, которые Алексей узнал. Полковник. Тот, кто отдаёт приказы.

— Садитесь, — сказал полковник, не оборачиваясь.

Алексей сел. Дверь захлопнулась.

— Вы не из прокуратуры, — сказал он.

— Догадливый, — усмехнулся полковник, поворачиваясь. Лицо его было гладко выбритым, с острым подбородком и холодными глазами. Лет пятидесяти, не больше. — Мы из Москвы. По особому поручению.

— Чьему?

— Не ваше дело.

— Неволин мой друг. Его убили. Это моё дело.

— Никого не убили, — полковник достал папиросу, закурил, выпустил дым в потолок. — Сердечная недостаточность. Вскрытие покажет.

— У него не было диабета.

— Инсулин могли ввести по ошибке. Скорая, скорая... — Он усмехнулся. — Вы же старый чекист, Ухтомский. Понимаете, как это работает.

— Понимаю. Потому и не верю.

— Ваша вера никого не интересует. — Полковник стряхнул пепел на пол, не глядя. — Вы приехали, увидели, уезжаете. Завтра же. В Ленинград. И забудьте всё, что видели.

— А если не забуду?

— Тогда вам придётся объяснить, почему вы украли вещдоки с места преступления. Шприц, флакон, образец. Это уголовное дело.

Алексей похолодел.

Они знали. Всё знали. Следили? Или Неволин сам кому-то рассказал?

— Я ничего не крал, — сказал он.

— Конечно, — полковник открыл дверцу. — Свободны.

Алексей вышел. Машина уехала, оставив его на тротуаре с портфелем, в котором лежали улики.

Он зашагал в сторону гостиницы, сжимая ручку портфеля так, что побелели костяшки.

Неволин убит. Дневник у него. В дневнике — имена. Глухов, Лундквист, D. & Co., Л.С. Тот, кто в Москве. Тот, кто у власти.

Пора было уезжать.

Но он не уедет.

Не теперь.

В гостинице «Большой Урал» он запер дверь на цепочку, достал дневник Неволлина, перечитал с начала.

Записи велись с января. Сначала — обычные рабочие заметки: номера образцов, инвентарные описи, ссылки на архивы. Потом — странные вещи.

«15 февраля. Проверил старые накладные Эрмитажа. Образец № 187 (малахитовая плита „Скорпион“) числится в фондах, но спектральный анализ показывает, что это новодел. Подменён в 1934 году».

«1 марта. Нашёл в архиве геологического управления письмо 1934 года от имени Глухова М.С. Он требовал „списать“ уральские образцы как испорченные. Подпись подлинная».

«20 марта. Выезжал в Москву. Работал в архиве Гохрана. Нашёл платёжные поручения на имя шведской фирмы D. & Co. Суммы совпадают с оценочной стоимостью пропавших камней».

«5 апреля. Дознался, кто такой Л.С. Полковник Ланской. В 1934 году — сотрудник особого отдела ОГПУ, куратор операции по вывозу уральских самоцветов. В 1973 году — жив, на пенсии, живёт в Москве. Его внук — сотрудник администрации президента. Правду не обнаружить».

«10 апреля. Мне звонят. Угрожают. Говорят — если не прекращу, убьют. Я не прекращу. Я спрятал документы в надёжном месте. Если меня не станет — ищите в Эрмитаже, за часами „Павлин“. Там всё».

Алексей закрыл дневник.

Эрмитаж. Часы «Павлин». Тот же тайник, где он прятал документы о фарфоре, янтаре, золоте. Неволин знал. Значит, кто-то из его старых знакомых рассказал. Или Неволин сам нашёл, копаясь в архивах.

Он достал образец малахита, повертел в руках.

Скорпион. Знак. Меч.

Всё сходилось в одной точке.

Л.С. — Ланской. Полковник, который отдавал приказы Глухову. Который организовал вывоз камней, фарфора, янтара, золота. Который остался безнаказанным.

Алексей спрятал дневник и образец в портфель, запер в сейф гостиничного номера (старый, ещё довоенный, с простым замком — лучше, чем ничего).

Завтра он поедет в архив геологического управления. Проверит накладные. Найдёт то, что не успел найти Неволин.

А после — в Ленинград. В Эрмитаж. К часам «Павлин».

Правда лежала в тайнике.

Он откроет его.

Даже если это будет последнее, что он сделает.

Глава 2. «Подпись — скорпион»

Время: 16 апреля 1973 года, 14:00

Место: Свердловск, архив Уральского геологического управления (улица Малышева, 29)

1973 | Алексей Ухтомский

Архив Уральского геологического управления размещался в здании бывшей церковно-приходской школы — двухэтажном особняке из красного кирпича, с арочными окнами и выщербленными ступенями. Внутри пахло так же, как и вчера в подвале Геологоразведки: пылью, старой бумагой и машинным маслом, пропитавшим стеллажи за десятилетия. Но здесь к этому запаху примешивалось ещё кое-что — ладан. Церковь закрыли в двадцатых, школу — в тридцатых, архив открыли в сороковых. А ладан, въевшийся в кирпич и дерево, остался.

Алексей пришёл сюда утром, но его не пустили. «Без разрешения начальника архива нельзя, — сказала пожилая женщина в очках с треснувшей дужкой. — Приходите после обеда, может, подпишут». Он пришёл после обеда. Разрешение подписали — кто-то из знакомых Неволлина, видимо, замолвил слово.

Теперь он сидел в читальном зале — единственном помещении с окнами, выходящими во двор, заваленный ящиками с керном. На столах — лампы с зелёными абажурами, чернильницы, стопки пожелтевших папок. В углу — портрет Ленина и плакат «Береги документы — они наша история».

Алексей разложил перед собой несколько дел, которые успел заказать до обеда. Все они были связаны с 1934 годом. Он знал, что ищет, хотя не был уверен, что найдёт. Неволлин в дневнике упоминал накладную — ту самую, где фигурировала партия малахита (75 образцов) и приписка карандашом, почерком Глухова.

Первая папка — «Акты списания минералогических образцов. 1930–1935». Толстая, с потёртым корешком, пахнущая плесенью. Алексей пролистал страницы, отмечая даты. 1931 — списание ветхих этикеток. 1932 — передача дублетных образцов в школы. 1933 — акт о порче трёх александритов (причина — «естественное старение кристаллической решётки», что для александрита было нонсенсом).

И — 1934 год.

15 марта.

Накладная № 47/М.

Алексей замер. Вытащил лист из папки, положил на стол, поднёс к лампе.

Бумага была плотной, с водяными знаками — довоенной выделки, не то, что дешёвая послевоенная. Типографский бланк «Государственный Эрмитаж. Отдел минералогии». Дата — 15 марта 1934 года.

«Накладная № 47/М. Передача образцов уральских минералов из фондов Эрмитажа в распоряжение Гохрана СССР для проведения экспертизы и последующего возврата. Количество предметов: 75. Образцы: малахит (38), яшма (12), родонит (10), александрит (8), изумруд (7). Основание: распоряжение № 187/С от 10 марта 1934 года».

Внизу — две подписи.

Первая — Карелин Б.А., хранитель. Алексей не знал этой фамилии, но запомнил. Вторая — Глухов М.С., заведующий отделом учёта Гохрана.

Алексей узнал почерк. Тот же размашистый, с резким наклоном вправо, что и на актах 1919 года, что на накладных на золото, что на карте Ладogi. Глухов. Полковник (тогда ещё, в 1934-м, наверное, майор или подполковник) собственноручно подписал передачу камней.

Но главное было не в подписи.

В графе «особые отметки», в самом низу, карандашом, почти невидимо, кто-то приписал:

«Образцы не подлежат возврату. Списать по акту № 47/М. Глухов».

Тот же почерк. Но более торопливый, будто писал на бегу, впопыхах.

Алексей достал из кармана маленький фотоаппарат — «Смену», тот самый, с которым он не расставался с войны, — и сфотографировал накладную. Потом перевернул лист, проверил оборот. Там, в углу, едва заметным карандашом, был нарисован знак.

Меч.

Не сомнений.

Он убрал накладную обратно в папку, положил папку на место. Взял следующую — «Переписка с Гохранном. 1934 год».

Внутри — письма. Машинопись, подписи. Алексей пролистал до середины.

Письмо от 20 марта 1934 года. Адресовано — «Заведующему отделом учёта Гохрана тов. Глухову М.С.». Отправитель — «Особый отдел ОГПУ, полковник Л.С.».

Алексей похолодел.

Л.С.

Те инициалы, которые он искал с 1942 года. Те, что мелькнули в дневнике Неволлина. Те, что стояли за всеми этими делами — фарфором, янтарём, золотом, камнями.

Он прочитал письмо.

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

В соответствии с особым распоряжением № 47 от 10 марта 1934 года, прошу обеспечить приёмку и дальнейшую отправку груза (75 образцов уральских минералов) по маршруту Ленинград — Москва — Кёнигсберг — Стокгольм. Получатель — D. & Co., Стокгольм, счёт № 734. Документы на груз оформить как „испорченные образцы, подлежащие уничтожению“. Лицо, сопровождающее груз, — сотрудник вашего отдела (назначить по согласованию).

Исполнение подтвердить до 25 марта.

Л.С.»

Алексей перечитал три раза.

Л.С. — полковник. В 1934 году он уже был полковником. В ОГПУ. Куратор операции. Тот, кто отдавал приказы. Глухов был только исполнителем.

Он сфотографировал письмо. Потом нашёл ещё несколько — за апрель, май, июнь. Везде — те же подписи. Глухов получал указания, докладывал об исполнении, подписывал накладные.

Ни одного имени Л.С. — только инициалы.

Кто скрывался за ними? Алексей не знал. Но знал, где искать. Неволлин писал в дневнике: «Л.С. — Ланской». Полковник, который в 1973 году живёт в Москве, на пенсии. Его внук — сотрудник администрации президента.

Ланской.

Фамилия, которую Алексей уже слышал. В деле о янтаре. В деле о партитуре. Композитор, эмигрировавший в 1944-м, — тоже Ланской. Родственник? Или однофамилец?

Вопросов становилось больше. Ответов — ноль.

Он закрыл папку, вернул на место.

Выходя из читального зала, столкнулся в дверях с женщиной. Лет пятидесяти, в тёмном пальто, с седыми прядями в тёмных волосах. Лицо бледное, под глазами — тени. Она смотрела на него так, будто ждала.

— Вы Ухтомский? — спросила она.

— Да. А вы?

— Ирина Павловна Неволлина. Жена Леонида Сергеевича.

Она не плакала. Глаза её были сухими, но в них стояла такая усталость, что Алексей почувствовал: она не спала несколько дней.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Не надо. — Она достала из сумки конверт, протянула ему. — Это муж просил передать. Сказал: «Если меня убьют, отдай Ухтомскому». Я не знала, верить ли. Думала, бредит. А теперь...

— Он не бредил.

— Знаю.

Алексей взял конверт. Плотный, кремовый, без марки. Надпись от руки: «Ухтомскому А.В. Лично». Почерк Неволлина.

— Вы не боитесь? — спросил он. — Что за вами придут?

— Боюсь. — Она посмотрела на дверь, на пустой коридор, на пыльные стеллажи. — Но боюсь больше того, что правда умрёт вместе с Лёней.

— Она не умрёт. Я обещаю.

Ирина Павловна кивнула, развернулась и ушла, быстро, почти бегом, будто боялась, что передумает.

Алексей остался один.

Он разорвал конверт. Внутри — несколько листов, сложенных вчетверо. Дневник Неволлина. Не тот, который он нашёл на складе, — другой. Личный. Исписанный мелким, убористым почерком, с датами, с пометками на полях.

Он начал читать с последней записи.

«10 апреля 1973 года. Мне звонят. Каждый день. Говорят: „Прекрати, или умрёшь“. Я не прекратил. Я спрятал всё в надёжном месте. Если меня убьют — ищите в Эрмитаже, за часами „Павлин“. Там коши. Там всё, что я нашёл. Имена, даты, счета. Глухов, Лундквист, Л.С. Не дайте им уйти».

Часы «Павлин». Снова они.

Алексей спрятал дневник в портфель.

Завтра он едет в Ленинград.

В Эрмитаж.

К часам.

Правда ждала.

Глава 3. «1934. Инвентаризация»

Время: 10 марта 1934 года, 10:00

Место: Ленинград, Эрмитаж, фонды уральских минералов (подвал Зимнего дворца)

1934 | Сотрудник ОГПУ («Сергей»), хранитель Карелин

Борис Алексеевич Карелин работал в Эрмитаже тридцать один год. Он помнил, как при царе в этих залах толпились иностранные туристы с путеводителями, как после революции экспонаты упаковывали в ящики и вывозили в Москву, спасая от немцев (тогда — от кайзеровских, не от гитлеровских). Он помнил голод двадцать первого года, когда в музее не топили и сотрудники замерзали у витрин, но продолжали писать описи. Он помнил, как хоронили старого хранителя отдела минералогии, который учил его различать уральские самоцветы на глаз — по цвету, по весу, по тому, как преломляется свет в гранях.

Ничего этого не было в том, что происходило сейчас.

Карелин сидел в своём кабинете — маленькой комнатке без окон, с голыми кирпичными стенами и единственной лампой под потолком. Лампочка мигала, выхватывая из темноты то стол, заваленный папками, то портрет Ленина на стене, то лицо молодого человека в форме без знаков различия, который стоял напротив, сложив руки на груди.

— Вы уверены, что это необходимо? — спросил Карелин в пятый раз за утро.

— Уверен, — ответил «Сергей». Он не представился. Сказал только: «Из Москвы. По особому поручению». Карелин не спрашивал, по чьему. В тридцать четвёртом году вопросы такого рода могли стоять не только должности, но и свободы.

— Но «Скорпион» — уникальный образец. Его нельзя просто так... списать.

— Его не списывают. Его перемещают. — «Сергей» говорил спокойно, будто объяснял ребёнку правила уличного движения. — Вы подписываете акт о порче. Мы забираем образец. Всё.

— А куда?

— Не ваше дело.

Карелин сжал пальцами край стола. Бумага, которую ему подсунули, лежала перед ним — машинопись, на бланке Гохрана, с печатями, с подписями (кроме его собственной). Он прочитал её в десятый раз, надеясь найти лазейку, но лазейки не было.

«Акт № 47/М от 10 марта 1934 года. Комиссия в составе: представитель Гохрана, представитель ОГПУ, хранитель отдела минералогии Государственного Эрмитажа Карелин Б.А. произвела осмотр образца № 187 (малахитовая плита „Скорпион“). В ходе осмотра установлены признаки необратимой порчи: трещины, изменение цвета, деструкция связующего вещества. Образец признан непригодным для хранения и экспонирования. Подлежит списанию.»

— Трещин нет, — сказал Карелин. — Я проверял вчера.

— Будут.

— Что значит «будут»?

— Значит, вы их не заметили. Это бывает. — «Сергей» достал папиросу, закурил, не спрашивая разрешения. Дым потянулся к потолку, смешиваясь с запахом пыли и старых бумаг. — Борис Алексеевич, я не буду ходить вокруг. Ваша подпись нужна сегодня. Если вы откажетесь, мы найдём другого хранителя. А вас... уволят. Или посадят. Или что-то ещё.

— За что?

— За саботаж. За вредительство. Формулировку придумаем. — «Сергей» выпустил дым в сторону портрета Ленина. — У вас есть дочь. Студентка. И зять, который работает на заводе. Хороший инженер, говорят. Жаль, если его арестуют за хищение.

Карелин побледнел.

— Вы не посмеете.

— Посмеем. У нас есть документы. — «Сергей» достал из портфеля ещё одну бумагу, положил на стол. — Прочитайте.

Карелин взял. Показания. Чьи-то, подписанные. В них говорилось, что его зять, Михаил Круглов, систематически вывозил с завода медь и латунь, сбывая через знакомых. Суммы были смешными — рублей на триста, не больше. Но для тридцать четвёртого года и этого хватило бы на лагеря.

— Это ложь, — сказал Карелин.

— Это правда. Потому что мы так сказали. — «Сергей» потушил папиросу о подошву сапога, даже не нагнувшись за пепельницей. — Подписывайте, Борис Алексеевич. Не усложняйте.

Карелин взял ручку. Чернила легли криво — руки дрожали. Но подпись поставил.

— Хорошо, — сказал «Сергей». — Теперь пройдёмте в фонды. Покажете образец.

Фонды уральских минералов находились в том же подвале, где пятью днями позже разыгрывается сцена из пролога. Сейчас здесь было пусто и темно. Карелин открыл дверь, щёлкнул выключателем. Лампа под потолком зажглась с трудом, разгоняя мрак на несколько метров.

Стеллажи, ящики, коробки. На полках — камни. Малахит, яшма, родонит, алемандриты, изумруды. Тысячи образцов, собранных за сто лет. Каждый — с этикеткой, с номером, с историей.

«Скорпион» лежал в отдельной витрине — деревянной, обитой бархатом, с подсветкой, которую включали только для важных посетителей. Сейчас подсветка не работала, но Карелин знал каждую прожилку на этой плите.

Он подошёл, открыл витрину, вытащил камень.

Малахит был тяжёлым, прохладным, гладким. Природный узор — зелёные волны, тёмные прожилки, и в центре, если смотреть под правильным углом, — очертания скорпиона. Не вырезано, не нарисовано — сама природа создала этот знак миллионы лет назад, когда Урал был дном древнего моря.

— Красивый, — сказал «Сергей», заглядывая через плечо. — Жалко, что он испорчен.

— Он не испорчен.

— Будет.

«Сергей» достал из кармана металлический предмет. Карелин не сразу понял, что это. Маленький скорпион, отлитый из тёмного металла, с загнутым хвостом и цепкими клешнями. Рядом — выгравированный год: 1934.

— Что это?

— Подпись. — «Сергей» положил скорпиона на стол рядом с витриной. — В карман кому-нибудь положить. На память.

— Кому?

— Не вам.

Карелин не стал спрашивать, кому. Он смотрел на «Скорпиона» — на камень, который держал в руках в последний раз. Знал, что больше никогда его не увидит. Что через несколько дней кто-то другой вытащит его из витрины, упакует в ящик, отправит в Москву. А оттуда — в Кёнигсберг. Потом в Финляндию. Потом в Швецию.

— Зачем вам это? — спросил он тихо. — Вы же не продадите. Государство не торгует.

— Государство не торгует. — «Сергей» взял «Скорпиона» из рук Карелина, положил в ящик, который стоял рядом. — А люди — торгуют.

Он закрыл крышку, запер замок.

— Всё. Подписывайте акт об упаковке.

Карелин подписал.

Потом «Сергей» ушёл, оставив его одного в фондах.

Карелин стоял у пустой витрины и смотрел на бархат, на котором несколько минут назад лежал камень. Вмятина ещё осталась — тёплая, живая.

Он думал о том, что через двадцать, через тридцать лет кто-то откроет эту витрину, увидит муляж, который положат вместо «Скорпиона», и не заметит подмены. Потому что не будет знать, что смотреть. Потому что подлинник уплывёт в чужие руки, а вместо него останется искусный новодел, под которым подпишутся десятки экспертов.

Он думал о своей подписи. О том, что она теперь — печать смерти для камня. И, может быть, для кого-то ещё.

Он не знал, что через пять дней в этом же подвале убьют молодого геолога Нестерова. Не знал, что его фамилия всплывёт через сорок лет в дневнике Неволлина. Не знал, что через тридцать девять лет правнучка того самого лейтенанта Ухтомского, который сейчас воевал на фронтах гражданской войны, откроет витрину, увидит муляж и поймёт.

Он знал только одно: сегодня он предал.

Он закрыл витрину, запер замок, выключил свет.

В темноте подвала «Скорпион» — уже не подлинник, а его тень — ждал своего часа.

Вечером того же дня Карелин пришёл домой на Василеостровский. Дочь — студентка, рыжая, веснушчатая, с вечными учебниками под мышкой — спросила: «Папа, ты чего такой бледный?»

— Устал, — ответил он. — Работа.

Она не поверила, но не стала спрашивать. В тридцать четвёртом году не задавали лишних вопросов.

Ночью Карелин не спал. Сидел на кухне, пил чай, смотрел в окно на тёмную Неву. Вспоминал «Скорпиона». Знал, что больше никогда не увидит его.

Утром он пошёл в Эрмитаж, открыл витрину, проверил. На месте подлинника лежал муляж. Тот же размер, та же форма, даже узор — искусно повторённый. Но холодный. Мёртвый.

Карелин закрыл витрину и пошёл писать отчёт. В отчёте он указал: «Образец № 187 (малахитовая плита „Скорпион“) в результате естественных причин пришёл в негодность и подлежит списанию».

Он соврал.

И знал, что будет врать до конца жизни.

Глава 4. «Геолог, который выжил»

Время: 18 апреля 1973 года, 11:00

Место: Свердловск, городская больница № 7, палата для ветеранов труда

1973 | Алексей Ухтомский, Пётр Петрович Завьялов

Больница № 7 стояла на окраине Свердловска, за железнодорожными путями, в районе, который местные называли «Уралмаш». Здесь пахло углём, мазутом и ещё чем-то кислым — химией, которую выбрасывали заводские трубы. Здание было старым, ещё дореволюционным — из красного кирпича, с высокими окнами и облупившейся штукатуркой. Внутри пахло карболкой, хлоркой и старостью. Той особенной, тяжёлой старостью, когда время не просто идёт — оно давит.

Алексей пришёл сюда по наводке Завьялова. Вернее, по наводке его дочери, которая работала медсестрой в той же больнице. Вчера, когда он перебирал дневник Неволлина, он нашёл запись: *«Завьялов Пётр Петрович, единственный живой свидетель операции 1934 года. Работал в Эрмитаже лаборантом при Карелине. После войны — в Свердловске, на пенсии. Жив, но плохо. Инфаркт. Если я умру — спросите у него».*

Алексей не знал, жив ли Завьялов. Неволлин писал эти строки за неделю до смерти. За неделю могло случиться всё что угодно.

Палата для ветеранов труда находилась на втором этаже, в конце длинного коридора, где лампочки горели вполнакала и пахло не хлоркой, а чем-то более сладковатым — лекарствами, которые не успевали вывозить. Дверь в палату была открыта.

Завьялов лежал на койке у окна, укрытый серым казённым одеялом. Ему было восемьдесят пять, но выглядел он на все сто — лицо землистое, щёки ввалились, нос острый, как клюв, руки поверх одеяла — сухие, с распухшими суставами, покрытые пигментными пятнами. Рядом на тумбочке стоял стакан с водой, лежала краюха чёрного хлеба, стопка книг — старые, потрёпанные, о геологии.

Он не спал. Увидев Алексея в дверях, приподнял голову, прищурился.

— Вы кто?

— Ухтомский. Алексей Владимирович.

— Тот самый? Из НКВД?

Алексей удивился. Он не был уверен, что его имя что-то скажет геологу из Свердловска, с которым они никогда не встречались.

— Был когда-то. Сейчас — пенсионер.

— Неволлин про вас рассказывал. — Завьялов кашлянул — глухо, надрывно, прижимая ко рту платок. — Сказал, если что — звонить. Не позвонил. Не успел.

— Вы знаете, что его убили?

— Догадываюсь. — Старик откинулся на подушку, перевёл дыхание. — Не первый. И не последний. Те, кто копал в эту яму, все туда и легли.

Алексей сел на стул у койки, положил портфель на колени.

— Пётр Петрович, я хочу спросить вас о 1934 годе. Об операции «Малахит». О камнях.

Завьялов закрыл глаза. Молчал так долго, что Алексей уже подумал — уснул. Или умер. Но старик открыл глаза и заговорил — тихо, с паузами, будто вытаскивал каждое слово из глубины.

— Я был лаборантом у Карелина. Молодой, двадцать три года. Только из института. Он меня взял — говорил, голова светлая. Я эти камни на глаз отличал. Малахит — по весу, по цвету прожилок. Александрит — по тому, как свет преломляется. Я гордился. Думал, учёным стану. — Он усмехнулся — горько, одними губами. — А стал свидетелем.

— Вы видели подмену?

— Видел. Не всю. Часть. Карелин мне сказал: «Сиди в кабинете, не выходи». А я вышел. Воды попить. Услышал голоса. Заглянул в фонды.

— Кого вы видели?

— Карелина. И ещё двоих. Один — молодой, в форме, без погон. Фамилии не знаю. Второй — постарше, с усиками, в кожанке. Карелин его называл «Михаил Сергеевич».

— Глухов, — сказал Алексей.

— Да. Он потом был полковником, я в газетах читал. А тогда — майор, наверное. Или подполковник.

— А третий? Вы сказали, их было двое.

— Двое. — Завьялов помолчал. — Третий был в кабинете. Я его не видел. Только слышал голос. Отдавал приказы. Глухов подходил к нему, докладывал. Голос — спокойный, властный. Старший по званию. Полковник, наверное, а может, и выше.

— Вы не знаете его имя?

— Нет. Карелин называл его только по инициалам. «Л.С.». Я запомнил.

Л.С.

Те же буквы, что в дневнике Неволина. Те же, что в письме из архива геологического управления. Полковник из Москвы. Куратор.

— Что было дальше? — спросил Алексей.

— Они упаковали ящики. Карелин подписал бумаги. Я ушёл, пока меня не заметили. А через несколько дней в подвале нашли труп. Молодого геолога. Нестеров его фамилия. Сказали — сердце. Я не поверил.

— Его убили, — сказал Алексей. — Я знаю. Я видел акт.

Завьялов не удивился.

— Карелин после того случая сдал. Стал нервный, пить начал. В тридцать седьмом его арестовали. Я думал — расстреляют. Нет, дали десять лет лагерей. Вернулся в сорок седьмом — старый, больной. Умер в пятидесятом.

— Вы с ним общались?

— Письма писал. Он отвечал. В одном письме написал: «Если меня не станет, ищите в Эрмитаже, за часами. Там всё, что я спрятал».

— Что именно?

— Не сказал. Боялся, что письмо перехватят.

Алексей достал из кармана фотографию, которую нашёл в дневнике Неволина, — ту самую, с тремя фигурами. Протянул Завьялову.

— Вы узнаете кого-нибудь?

Старик взял фотографию, поднёс к глазам, прищурился. Руки его дрожали.

— Это Глухов, — он ткнул пальцем в левого. — Я его запомнил. А это... — он показал на второго, того самого наёмника с татуировкой меча, — это его человек. Глеб. Я слышал, как Глухов его называл.

— А третий? — Алексей показал на фигуру с вырезанным лицом.

— Не знаю. Карелин говорил, что это Л.С. Но лица я не видел никогда. На фотографии оно было, а потом кто-то вырезал.

— Кто?

— Не знаю. Может, сам Л.С. Может, Глухов. Может, Карелин, чтобы не нашли.

Завьялов вернул фотографию, откинулся на подушку. Дыхание его стало прерывистым, губы посинели.

— Вам нужно в Эрмитаж, — сказал он. — За часами «Павлин». Карелин говорил, тайник там. Откройте пластину, за механизмом. Там письма. И фотографии. И накладные.

— Я знаю это место, — сказал Алексей. — Я там уже прятал документы. О других делах.

— Значит, вам и карты в руки.

Завьялов закашлялся — дольше, надрывнее, на губах выступила кровь. Алексей подал воды, помог приподняться. Старик отпил, откинулся.

— Я скоро умру, — сказал он. — Инфаркт, врачи говорят — вторая неделя. Не переживу.

— Вы не умрёте, — сказал Алексей. — Я пришлю врача.

— Не надо. Я готов. — Завьялов посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. — Вы похожи на своего прадеда. Я его не знал, но Неволин рассказывал. Упрямый был. Как вы.

— Я его правнучка? — Алексей усмехнулся. — Я его сын. Праправнуков пока нет.

— Будут. И они продолжат.

Завьялов закрыл глаза. Дыхание его выровнялось — он уснул, или просто ушёл в себя, не желая больше говорить.

Алексей посидел ещё минуту, потом встал.

— Спасибо, Пётр Петрович.

Старик не ответил.

На тумбочке, под стопкой книг, Алексей заметил конверт. Не запечатанный, с надписью карандашом: «Ухтомскому». Он взял его, заглянул внутрь. Фотография. Старая, пожелтевшая, с выцветшими краями. Та же, что в дневнике Неволина, но в другом ракурсе. Три фигуры. Глухов, Глеб, и третий — на этот раз лицо не срезано, а заклеено бумажкой. На бумажке — надпись чернилами: «Л.С. Москва. 1934».

Алексей спрятал конверт в портфель.

Вышел из палаты. В коридоре его встретила медсестра — молодая, с испуганными глазами.

— Вы к Завьялову? Он плох. Врач сказал — сегодня-завтра.

— Я знаю.

— Вы ему не сказали?

— Нет. Он сам знает.

Алексей зашагал к выходу.

На улице его встретил холодный ветер с Уральских гор. Он сжал портфель, в котором лежала фотография Л.С.

Завтра он едет в Ленинград.

В Эрмитаж.

К часам «Павлин».

Правда ждала.

Глава 5. «Операция „Мала»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.